

Ж. А. Ананян

К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ЮГА РОССИИ АРМЯНАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Россия являлась одной из тех стран, на территории которой с древнейших времен возникали поселения армян. Особенно яркой страницей и существенно новым этапом в истории образования этих поселений является заселение юга России армянами во второй половине XVIII столетия. Серьезное изучение вышеназванной проблемы фактически только начинается. Поэтому многие вопросы; связанные с этой большой темой, до сих пор еще ждут своих исследователей.

Работая над материалами, относящимися к истории армянского города-колонии Григорополя, мы обратили внимание на некоторые источники, позволяющие не только проследить процесс возникновения на юге России армянских поселений, но и по-новому осветить ряд принципиально важных вопросов, связанных с этим историческим процессом. В статье рассматриваются в основном события, предшествовавшие русско-турецкой войне 1787—1791 гг., явившейся исходным моментом к основанию Григорополя.

* * *

После трехлетней кровопролитной войны с Турцией Россия, наконец, сумела склонить своего противника к миру. Он был подписан видным русским дипломатом А. А. Безбородко в Яссах 29 декабря 1791 года.

Казалось бы, что уже никакие заботы не должны были омрачать русское правительство, русский двор. В конце концов за Россией было закреплено Северное Причерноморье, русские торговые суда заняли возможность беспрепятственного плавания по Черному морю, окончательно была разрешена крымская проблема. К тому же Турцию заставили смириться с ситуацией, создавшейся в Молдавии, Бессарабии и Грузии, наконец, огромная область, лежащая между Бугом и Днестром, область, именуемая Очаковской, вошла в состав Российской империи.

Но именно последнее обстоятельство, пожалуй, более всего беспокоило правительственные чины России. Беспокоило в том плане, что экономические интересы дворянства и купечества требовали закрепления выхода России к Черному морю, требовали благоустройства вновь приобретенной территории и ее скорейшего заселения. Это были новые и вместе с тем старые заботы.

Рост производительных сил, прогрессирующий в России во второй половине XVIII столетия, заставил правительство Екатерины II вплотную заняться разрешением Восточного вопроса. Господствующие классы, как никогда раньше, почувствовали потребность в новых землях и расширении торговли. Занятие территории между Бугом и Днепром (впоследствии получившей наименование Новороссийского края) и Очаковской области, присоединение Крыма и строительство флота на Черном море то же суть звенья той цепи внешнеполитических мероприятий России, которые являлись основными компонентами Восточного вопроса. Непосредственно он упирался в вопрос развития капитализма в России. Как правильно отмечал А. Маркевич, в экономическом отношении наличие плодородного Юга представляло для России чрезвычайную важность¹. Поэтому освоение Юга и его заселение стало «делом правительственных соображений»². В условиях напряженного внешнеполитического положения на Востоке русское правительство стремилось возможно скорее заселить пограничные районы. При этом оно

¹ См. «Новороссийский календарь на 1893 год», т. II, Одесса, 1893, стр. 61.

² «Записки Одесского общества истории древностей», т. 7, Одесса, 1868, стр. 130.

«делало ставку на казенных крестьян и другие незакрепощенные сословия»³. Но одновременно правительство не могло не учесть того важного обстоятельства, что при естественном движении одного русского населения к югу колонизационный процесс значительно бы замедлился»⁴.

При наличии крепостнических отношений, когда основной контингент населения страны — крестьянство лишалось свободы передвижения, когда свободных, вольных людей делалось все меньше, для ускорения процесса заселения Юга нужно было выискать дополнительные людские ресурсы. Вот почему русскому правительству пришлось прибегнуть к иностранной колонизации.

Идея вызова иностранцев в Россию была не новой. Она имела свою историю и даже выработала кое-какие традиции.

Для развивающегося мануфактурного производства и промышленности России нужны были все новые кадры квалифицированных мастеровых, а рост товарно-денежных отношений требовал опытных торговцев.

Предшественники Екатерины II применяли практику посылки комиссаров в Западную Европу для вербовки мастеровых, ремесленников и купцов. Особые преимущества предоставлялись последним.

В тот период колонизация находилась на начальном этапе своего развития. Она отличалась малыми масштабами и порой носила случайный характер. Правительство Екатерины II, приняв из рук своих предшественников эстафету, старалось расширить и углубить колонизацию, ввести ее в более организованное русло.

22 июля 1763 года русским правительством были обнародованы законодательные акты⁵, положившие начало систематической иностранной колонизации в России. Одним из этих актов явился «Манифест о даруемых иностранным переселенцам правах и преимуществах». Манифест предоставлял колонистам целый ряд привилегий и льгот⁷. А на основании указа об учреждении канцелярии опекунов иностранных создается особый институт, занимающийся иностранной колонизацией.

В это же время появляются специалисты и даже теоретики данного вопроса, одним из которых был известный сановник екатерининского времени Иосиф Каниц. Под колонизационную политику России Каниц подводит следующий теоретический фундамент: «...Каждое великое государство, — пишет он, — должно приходить в расслабление, ежели недостаточно оно такими людьми, которые могут употреблять в дело разныя онаго произрашения и обогащая общество деланными по художеству своему товарами и вещьми и делить от избытка своего часть оных другим народам»⁸.

Здесь нельзя не усмотреть кое-что от теоретических положений и практических выводов Кольбера, знаменитого министра Людовика XIV. Однако эти идеи оказались кстати для русского правительства, стремящегося в сжатые сроки освоить огромные пространства Новороссийского края.

Политика правительства по отношению к поселенцам прошла через определенные этапы. Если до русско-турецких войн (1768—1774 и 1787—1791 гг.) переселенческая струя носила равномерный и не столь интенсивный характер, то уже на период между

³ Е. И. Дружинина, Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., М., 1959, стр. 90—91, 122.

⁴ Д. И. Баглей, Колонизация Новороссийского края и первые шаги его на пути культуры, Киев, 1889, стр. 77.

⁵ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 349, л. 2 и об.

⁶ ПСЗ, т. XVI, №№ 11879 и 11880.

⁷ Попутно отметим, что так называемые «кондиции», которые ставили представители армянских переселенцев из Крыма перед русским правительством, буквально по пунктам следовали положениям манифеста 1763 года. Текст «кондиций» см. в диссертационной работе В. А. Дилояна «Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в России во 2-й половине XVIII века», Ереван, 1962, стр. 166—170.

⁸ ЦГАДА, Госархив, ф. 16, д. 349, л. 15.

этими двумя кампаниями и особенно на период после Ясского мира 1791 г. падает основной поток колонистов.

В общей истории русской колонизации история заселения Новороссийского края представляет собой крайне своеобразную страницу⁹. Любопытно то обстоятельство, что местность, получившая впоследствии название Новороссийского края, была в то время почти пустыней не только по причине беспрепятственных движений по ней крымских и других «хищнических партий», но и по причине сознательного противодействия к ее заселению со стороны России и Турции. В договорах, которые Россия заключала с Турцией в XVII и даже в начале XVIII века, поставлялось неизменным условием, чтобы между владениями той и другой державы оставалось некоторое пространство совершенно не заселенным¹⁰.

Русская императрица подразумевала именно Новороссийский край, когда писала, что «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает еще чрезмерным пространством земель, которая ни населена, ни же обработана. И так не можно сыскать довольно ободрений к размножению народа в Государстве... Чтобы восстановить Державу, обнаженную от жителей, напрасно будем ожидать помощи от детей, могущих впредь родиться. Надежда сия вовсе безвременная; люди, живущие в своих пустынях, не имеют ни ободрения, ни же рачения. Поля, могущие пропитать целый народ, едва дают прокормление одному семейству»¹¹.

Освоение края правительство Екатерины II проводило путем строительства городов и городов-колоний, путем устройства колоний иностранных поселенцев и населенных пунктов.

Наплыв переселенцев после Кючук-Кайнарджийского и Ясского договоров побудил правительство оставить в силе изданный 22 марта 1764 года «План о раздаче в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению». На основании этого документа было наделено землей множество иностранных семейств, вызванных из-за рубежа после Кючук-Кайнарджийского мира.

По подсчетам Е. И. Дружининой, в этот период в Новороссийский край прибыли представители одиннадцати наций¹². Среди них армяне не фигурируют, что на первый взгляд кажется странным, поскольку вместе с вышедшими из турецких областей молдаванами там проживало весьма значительное число армянских семейств.

Читатель может заинтересоваться и другим «непонятым» явлением. После 1791 г., т. е. спустя семнадцать лет со времени заключения Кючук-Кайнарджийского мира (1774 г.), картина резко меняется. На этот раз одну из основных переселенческих групп составляли армяне.

Чем же это все объяснить, волей ли случая?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть положение Восточной Армении во 2-й половине XVIII столетия.

В этот период Армения продолжала оставаться под гнетом Османской Порты и Персидского государства. К началу века сефевидская Персия уже начала терять былую мощь, меж тем как султанская Турция сохраняла свои позиции. В политической обстановке того времени, как известно, карабахские меликства являлись единственными остатками армянской государственности и одновременно основными очагами национально-освободительного движения армянского народа.

Руководители армянского освободительного движения главную надежду возлагали на Россию, прекрасно понимая, что помощь русского государства явится необходимой предпосылкой освобождения армян.

Объективные условия, возникшие на Востоке и в Закавказье во второй половине

⁹ Д. И. Багилей, Указ. соч., стр. 1.

¹⁰ См. П. К. Щербальский, Потемкин и заселение Новороссийского края, стр. 130—131.

¹¹ Г. Писаревский, Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. СПб., 1909, стр. 45—46.

¹² См. Е. И. Дружинина, Указ. соч., стр. 54.

XVIII столетия, послужили основной причиной того, что Россия более серьезно, нежели когда-либо, заинтересовалась армянским вопросом.

Поскольку освободительные идеи деятелей армянского национального движения не шли вразрез с интересами русской восточной политики, русское правительство решило использовать подъем освободительного движения в Восточной Армении для укрепления своих позиций в Закавказье.

Для России Закавказье представлялось новым удобным плацдармом против Турции. В этом заключалось военно-стратегическое значение Закавказья. Но ни в 80-х гг. XVIII столетия, ни тем более в его первой половине Россия еще не ставила перед собой непосредственно задачи присоединения владений армянских мелнков. И впрямь, трудно предположить, чтобы Россия при слабом развитии производительных сил, наряду с колонизацией Новороссии, располагала бы средствами для экономического и военно-политического освоения Закавказья.

Поэтому ориентация армянского народа на Россию и русский народ и общность их интересов не были связаны с перспективой аннексирования Россией армянских земель, а они возникли лишь на почве политической и военной помощи, оказываемой ею армянскому народу в освободительной борьбе против турецких и персидских угнетателей.

Именно благодаря проведению такой политики Россия и смогла привлечь деятелей армянского освободительного движения на свою сторону.

Это замечание имеет немаловажное значение для уяснения глубинных процессов, происходивших во второй половине XVIII столетия на юге России, Востоке и в Закавказье.

Именно в этот период в России формируется группа политических деятелей армян, взявшая в свои руки руководство освободительным движением армянского народа. Наиболее яркими представителями этих руководителей являлись Иван Лазарев и архиепископ Иосиф Аргутинский.

Как известно, Аргутинский прибыл из Армении в Россию сравнительно поздно (за год до подписания Кючук-Кайнарджийского мира), но уже к концу 70-х годов он фактически становится наиболее влиятельным пастырем российских армян.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг., поставившая христианские народы Востока под покровительство России, привела к активизации проживающих в России армян. Из их среды выходит не только проект, предусматривающий освобождение армянских областей и воссоздание независимого армянского государства под протекторатом России, но и идея переселения в Россию рассеянных по свету армян, в частности, из турецких областей, причем программа консолидации армян на российской территории являлась производной от программы образования самостоятельного армянского государства и была подчинена последней. Если о наличии второй программы нам достоверно известно из источников, то о реальности первой мы можем говорить, не только основываясь на содержании публицистической литературы индийских армян, а в основном исходя из линии поведения деятелей армянского освободительного движения и русского правительства в период между 1774 и 1787 годами.

Хронологические рамки выбраны не случайно, поскольку вряд ли можно предположить, что до приезда в Россию Аргутинского существовала бы подобная программа. Именно с деятельностью российских армян, активизировавшихся после Кючук-Кайнарджийского мира и приезда Иосифа Аргутинского, можно связать возникновение проекта переселения в российские пределы армян, в частности, с территории, подвластной Османской Порте.

Вывод армян в 1779 году из Крыма в Россию и основание города-колонии Новая Нахичевань послужило первым шагом на пути осуществления вышеназванной программы.

В исторической литературе справедливо отмечается, что, переселяя армян и греков из Крымского ханства в пределы России, правительство преследовало как политические, так и экономические цели. Но при этом нигде не упоминается такое немаловаж-

ное обстоятельство, как заинтересованность самих руководителей армянского освободительного движения в подобном переселении.

Исторические факты говорят нам о том, что в этот период в далекой Индии среди деятелей армянского освободительного движения (их наиболее яркими представителями являлись, как известно, Шаамир Шаамирян и Мовсес Баграмян) возникает идея переселения индийских армян в Россию.

Почти одновременно эта идея возникает и у руководителей российских армян, распространивших ее на своих соотечественников, проживающих под ирано-турецким и татарским игом¹³.

Великая «северная держава» должна была стать временным пристанищем обездоленной нации, находящейся в ожидании «долгожданного дня, когда армяне смогут переселиться из чужих краев на родину, в родную «араратскую страну» и жить там под сенью армянских законов»¹⁴.

Теперь становится понятным, почему такой видный деятель армянского освободительного движения, каким являлся Иосиф Аргутинский, сыграл активную роль в реализации политических планов русского правительства в Крыму.

Здесь мы имеем наглядный пример того, как интересы армянской общественности переплелись с интересами русского государства. Если перед руководителями армянского освободительного движения стояла задача высвобождения крымских армян из-под татарского гнета, если они надеялись использовать обещанные русским правительством армянскому городу органы самоуправления как школу для подготовки кадров политических деятелей для будущей независимой Армении, то правительство Екатерины II преследовало другие цели. Переселяя основную массу ремесленного и торгового населения Крымского ханства, т. е. армян и греков, Россия фактически экономически ослабляла своего потенциального противника. К тому же на армянские поселения нежитого Юга правительство Екатерины II возлагало надежды, связанные с развитием торговли и ремесел края, введения культур виноградарства и садоводства.

Именно под углом переплетения интересов России и армянской общественности нужно рассматривать также и планы по привлечению нового потока армянских переселенцев, разработанные русским правительством совместно с руководителями российских армян в конце 80-х годов XVIII столетия.

Для уяснения отдельных сторон этого плана большой интерес представляет миссия Степана Давтяна в Россию.

В 1784 году после ряда просьб русского командования о присылке в Россию делегата араратских армян и меликов ереванские армяне, наконец, выделили из своей среды Степана, отправив его к генералу П. С. Потемкину в Георгиевскую крепость.

Любопытно отметить, что годом раньше, когда встал вопрос о посылке в Россию уполномоченного араратских армян, выбор пал не на Степана, а на Хубова¹⁵.

Трудно, конечно, объяснить мотивировку Эчмиадзина при окончательном выборе делегата. Ясно лишь одно, что эта смена произошла неспроста¹⁶. Сын Степана Давид

¹³ Весьма возможно, что идея переселения армян на территорию России заимствуется руководителями индийских армян у Аргутинского, поскольку уже в 1779 году (основание города-колонии Новая Нахичевань) эта идея нашла свое практическое воплощение, меж тем как у армянских деятелей Индии она письменно была изложена в «*Եջատիկ*»-е только в 1783 году. См. примечание 14.

¹⁴ А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение в 80-х гг. XVIII столетия, Ереван, 1947, стр. 157. См. также «*Տեղափոխության հարցի նշանակությանը վերաբերյալ ընդ որոշ և անոնց կտակ ներշնչող*», Մատրան, 1783, էջ 5, 55, 74:

¹⁵ См. А. Р. Иоаннисян, Россия и армянское освободительное движение, стр. 118.

¹⁶ А. Р. Иоаннисян смену делегатов объясняет тем, что Хубов в то время не смог поехать в Россию. См. там же.

объясняет выдвижение своего отца знатностью их рода, идущего якобы¹⁷ от Давид-Бека.

«...Избрали из первых чиновников отца моего,— пишет он,— ... по силе особенного его пред всеми прочими преимуществами, коим отец мой к щастию мог отличаться, что по знатности рода своего... имел дружескую связь со многими турецкими и персидскими чиновниками»¹⁸.

Подобную мотивировку вряд ли можно считать серьезной, но факт упоминания близости Степана Давтяна с турецкими и персидскими чиновниками, приведенный Давидом в конце первой четверти XIX столетия, удивительно точно совпадает с данными самого Степана.

В одном из деловых писем 1793 года он повествует: «По прибытии моем 1784 году в Россию, его превосходительство Павел Сергеевич (генерал Потемкин — Ж. А.), отдавая справедливость трудам моим, употребленным прежде еще в порученной мне комиссии в Персии, где два года секретно содержа лазутчиков на своем коште и узнавая об обстоятельствах соседних народов, уведомлял его о том, с рекомендацією от правил к его светлости покойному князю Григорию Александровичу (Потемкину — Ж. А.) в Санкт-Петербург»¹⁹.

Таким образом, выходит, что Степан состоял на агентурной службе у генерала П. С. Потемкина, следовательно, последний хотя и заочно, но хорошо знал делегата меликов. В этой связи не будет большой натяжкой предположить, что мнения русского командующего и армянского архиепископа сыграли решающую роль в подборе представителя армян.

Документальные данные свидетельствуют о том, что генерал П. С. Потемкин действовал через Иосифа Аргутинского, находящегося в тот период у него: «...По приказанию онаго ж генерала (П. С. Потемкина — Ж. А.) писано было от меня в Арарат о присылке знатного человека...»²⁰. Об этом же свидетельствует письмо Аргутинского Лазареву, в котором он писал, что действует по предписанию «Павла Сергеевича»²¹.

В лице Степана правительство имело человека, превосходно информированного о внутренних делах Турции и Персии. В связи с подготовкой персидского похода он мог оказать большую услугу русскому правительству, русскому войску. К тому же правительство Екатерины II желало иметь в своей столице полномочного посланника армянской нации. Вот почему генерал П. С. Потемкин, встретив Степана на линии, незамедлительно отправляет его с рекомендацией в Петербург к князю Г. А. Потемкину

С другой стороны, Степан, как представитель нации, являлся удачной кандидатурой и для армян. Перед армянским делегатом стояла серьезная задача ведения сложных переговоров с правительством. Круг вопросов, который должен был быть рассмотрен Степаном с правительственными чиновниками, требовал от армянского посла сочетания в себе таких личных качеств, как гибкость, расторопность и хладнокровие. Аргутинский, неплохо знавший Степана, характеризует его в письме к Шаамиряну как человека толкового и умеющего держаться с достоинством²². Последующие строки этого же письма повествуют о содержании послания армянской общественности, собственноручно врученное Степаном русскому правительству в Петербурге. В письме говорилось «о... стране Армении времен монархов... Тиграна, Аршака и Трдата и о ее упадке в настоящее время, а после просили спасти их от ига неверных и другое в этом духе»²³. Эти строки Аргутинского, обращенные к Шаамиряну, раскрывают определенную направ

¹⁷ Мы пишем «якобы», поскольку не разделяем мнения авторов, принявших на веру заявление Григориопольского магистрата и считающих Степана потомком Давид-Бека

¹⁸ *Մատենադարան, արխիվ Աշոտ Հովհաննիսյանի, Թղթ. 244, գաղ. 274, էջ 1:*

¹⁹ ЦГАДА, ф. 15, д. 235, лл. 2—2 об.

²⁰ АВПР, фонд Сношения России с Арменией, оп. № 100/III, д. 463, л. 148.

²¹ См. А. Р. Иоаннисян, там же, стр. 119.

²² *Մատենադարան, ձեռագիր № 2699, էջ 101ր:*

²³ Там же.

ленность миссии Степана, главная задача которой заключалась в освобождении армянского народа от турецкого и персидского ига.

Хотя Степан формально являлся послом ереванских армян и меликов, однако правдоподобнее будет предполагать, что он фактически осуществлял линию Аргутинского, взгляды которого по принципиальным вопросам армянского освободительного движения существенно разнились от взглядов последних представителей армянской феодалной знати — карабахских меликов.

В этой связи наружу всплывает чуть ли не основная цель миссии Степана, заключающаяся в том, что армянский посол от имени всей нации²⁴ должен был вести переговоры с русским двором о заключении договора России с армянской общественностью о предоставлении Армении независимости под протекторатом России.

Приведенная мысль целиком подтверждается всем содержанием не только упомянутого письма Аргутинского к Шаамиряну, но и письмами армянского архиепископа к самому Степану.

Итак, осенью 1784 года в русскую столицу прибыл человек, наделенный полномочиями посла армянской нации²⁵, человек, на которого была возложена ответственная миссия ведения переговоров с Екатериной II и ее правительством. Приблизительно к этому же времени к князю Г. А. Потемкину поспешило из Георгиевской крепости письмо от Иосифа Аргутинского. От послания армянского архиепископа веет тревогой. Напуганный невыгодным для армян оборотом событий в Закавказье, Иосиф вынужден согласиться и на малое. Он ходатайствует о восстановлении армянского государства только в «Арарате», а в отношении Карабаха просит лишь освободить меликов из-под власти Ибрагим хана, поставив их в зависимость от грузинского царя²⁶.

Разумеется, эта урезанная программа вовсе не устраивала деятелей армянского освободительного движения. Но в сложной обстановке того времени другого выхода не было. Надо было позаботиться о физическом сохранении нации.

Реакции князя Г. А. Потемкина на письмо Иосифа Аргутинского мы не знаем. Но вероятнее всего предположить, что Г. А. Потемкин в тот момент оставил без внимания просьбу армянского архиепископа, поскольку «араратский посол» был принят «светлейшим» князем много месяцев спустя, когда обстановка в Закавказье уже несколько разрядилась. Переговоры Степана с князем Г. А. Потемкиным, видимо, носили предварительный характер, целью которых являлась подготовка почвы для встречи посла армянской нации с самой императрицей. Но время шло, а Екатерина II все еще не подавала для этого никаких признаков. Степан тщетно обивал пороги екатерининских сановников, последние рассыпались в обещаниях, и на этом все кончалось.

Положение Степана усугублялось тем, что он к тому же стал испытывать тяжелую материальную нужду. И если бы не материальная и моральная поддержка, оказываемая Аргутинским, Лазаревым и Манучаряном армянскому делегату²⁷ в течение всего времени его пребывания в русской столице, быть может, его миссия осталась бы незавершенной.

К этому времени для Степана открылось в Петербурге еще одно поле деятельности. Армяне, проживающие в столице, привлекли его к работе над изданием русского перевода «Новой книги» Мовсеса Баграмяна, опубликованной в 1773 году в Мадрасе. Об этом мы узнаем из того же письма Аргутинского к Шаамиряну. «Приехавший из Еревана упомянутый господин Степан, — пишет армянский архиепископ, — в течение двух

²⁴ В письме Иосифа Аргутинского к Степану от 24 октября 1784 года указывается, что Степан является послом и представителем всей армянской нации, в том числе и карабахских меликов. А еще раньше армянский архиепископ переслал Степану копию проекта армяно-русского договора. См. А. Р. Иоаннисян, Указ. соч., стр. 121, 122.

²⁵ Видимо, неспроста в документах того периода Степан фигурирует как «араратский посол».

²⁶ См. А. Р. Иоаннисян, Указ. соч., стр. 120—121.

²⁷ Մատենադարան, ձեռագիր № 2699, էջ 101ր.

лет пребывания здесь (в Петербурге — Ж. А.) овладел их языком (русским — Ж. А.) и исправляет ошибки перевода»²⁸.

Русский перевод книги одного из деятелей армянского освободительного движения, по мысли российских армян, должен был способствовать пропаганде идей освобождения армянских земель и воссоздания армянского государства, а также — пробудить среди русской общественности интерес к армянской проблеме. Однако проходил 1786 год, а армянский вопрос все еще оставался неразрешенным.

Аргутинский, впад в пессимизм, стал поговаривать об отзыве Степана из Петербурга. Но в тот период, когда русское правительство вынашивало планы персидского похода, оно не намеревалось расстаться с единственным полномочным представителем армянской нации, хотя вместе с тем и не заключало договора с ним. Выходило, что в течение всего времени пребывания Степана в России русское правительство лишь поддерживало иллюзию армянских деятелей о возможности заключения армяно-русского договора. Правительство Екатерины II вовсе не собиралось ограничивать себя подобными официальными соглашениями, поскольку в его перспективные планы входили действия совершенно иного характера. Царское правительство намеревалось в конечном итоге поступить с Арменией так же, как поступило с Грузией в начале следующего столетия.

Исходя из вышензложенного, более понятными становятся события, развернувшиеся в Петербурге на отрезке времени между концом 1786 года и началом русско-турецкой войны в 1787 г. Именно в этот период Екатерина II, наконец, приняла Степана. Заметим кстати, что последний факт и следующие за ним обстоятельства выпали из поля зрения исследователей²⁹. Быть может, это объясняется тем, что им не были известны документы, дополняющие сведения о миссии Степана.

По рекомендации акад. А. Г. Иоаннисяна, автор настоящей статьи ознакомился с цитированным выше письмом сына Степана — Давида к русскому царю. Этот документ, хранящийся в Матенадаране в архиве акад. А. Г. Иоаннисяна, дает совершенно новое представление о завершающей стадии миссии Степана³⁰.

Во-первых, в упомянутом источнике прямо указывается, что Екатерина II «...приняла... араратского посланника с особым благоволением и признательностью».

Во-вторых, сведения Давида помогают нам уяснить причину задержки в Петербурге русским правительством Степана. «После,— продолжает Давид,— (Екатерина II — Ж. А.) сонзволнила назначить скорое [отбытие] в отечество свое для исполнения порученных предприятий»³¹. Он же помогает нам также выяснить, в чем заключается сущность этих «предприятий»: «По наступлении сего времени, по повелению Ее Величества, князь Потемкин-Таврический объявил ему, что он (т. е. Степан — Ж. А.) будет отправлен под прикрытием шести полков армии для известного преднамерения»³². Вывод, напрашивающийся из вышеприведенного, заключается в том, что переговоры о заключении армяно-русского договора Екатерина II в конечном итоге свела к переговорам о снаряжении похода русских войск в пределы Закавказья для освобождения Армении³³.

²⁸ Там же, *ibid.* 104 р.

²⁹ Например, А. Р. Иоаннисян в упомянутой монографии пишет: «Императрице «араратский посол» представлен не был». См. А. Р. Иоаннисян, Указ. соч., стр. 170.

³⁰ В достоверности сведений Давида мы не можем сомневаться, поскольку сын Степана был долгие годы связан с действиями отца и, следовательно, точно осведомлен о его делах. Письмо Давида не датировано, но исходя из содержания текста можно предположить, что оно написано не позднее конца первой четверти XIX столетия.

³¹ *Ստեփանի անձնագրի մասին, արքայի Աշոտ Հովհաննիսյանի, ԼԳ 3:*

³² Там же.

³³ Это лишнее свидетельство того, что царское правительство всерьез не относилось к заключению русско-армянского договора, а также того, что в вопросе разрешения армянской проблемы между руководством армянской общественности и рус-

В новых планах русского правительства армянскому послу фактически отводилась роль проводника. Знание языков, местности, а также связь с армянами, посылающими ему агентурные сведения из Турции и Персии,— все это делало его ценным для русского командования человеком. Поэтому не удивительно, что князь Г. А. Потемкин, оставляя его у себя, присваивает Степану воинский чин премьер-майора.

Армянским деятелям поневоле пришлось согласиться с этим ухудшенным вариантом разрешения армянского вопроса (без предварительного заключения договора России с армянской общественностью).

Но даже и этому плану не суждено было сбыться. Степану не пришлось войти с войсками в пределы Армении. Помехой послужила начавшаяся в 1787 году русско-турецкая война.

Об этом и пишет Давид в своем повествовании об отце: «...Но сие преднамерение (посылка Степана с русскими войсками в Армению—Ж. А.) вскоре изменилось по причине встретившихся в то время других обстоятельств, что Порта Оттоманская против России войну [начала]».

Далее идут строки, которые в сопоставлении с предыдущим изложением не только дополнительно проливают свет на характер миссии Степана, но и косвенно выявляют новые тенденции развития армянского освободительного движения, наметившиеся в ходе русско-турецкой войны. «...Сей важный случай требовал без упущения времени прибегнуть зараз к исполнению тех мер, для коих отец мой предизбран был»³⁴.

В чем заключались эти меры, нам помогает уяснить письмо Иосифа Аргутинского к графу П. А. Зубову, датированное январем 1791 года.

«Светлейший князь (Г. А. Потемкин—Ж. А.), — писал армянский архиепископ, — поручил (Степану — Ж. А.) вывод армян из Молдавии и Бессарабии»³⁵.

Итак получается, что в связи с начавшейся русско-турецкой кампанией правительство придает миссии Степана новое направление, которое, разумеется, было согласовано с армянскими национальными деятелями. Когда мы пишем о новом направлении миссии Степана, мы, прежде всего, подразумеваем тактические маневры русской внешней политики, поскольку в глазах армянской общественности суть миссии Степана осталась почти без изменения³⁶.

Если вспомнить, что Степан выехал в русскую столицу с целью добиться с помощью России освобождения для своей родины, то мы приходим к выводу, что руководство российских армян³⁷ рассматривало также и вывод армян из турецких областей в пределы Российской империи как деятельность, направленную на освобождение армянской нации от турецкого гнета.

Русско-турецкая война 1787—1791 гг., положившая начало новому этапу армянского освободительного движения, заставила по ходу событий пересмотреть некоторые аспекты освобождения армянского народа из-под гнета турок и персов. До войны карабахские меликства и ереванские армяне с нетерпением ожидали вступления русских полков на территорию Армении, связывая с их прибытием надежды на освобождение. Но проникновению русского влияния в пределы Закавказья особенно яростно противилась Турция.

Это прекрасно понимали и руководители армянского освободительного движения. Понимали они также и то, что победоносная война России с Турцией может вывести

ским правительством уже к концу 18 столетия наметился различный подход. Причем о своих действительных намерениях в отношении Армении (даже в плане перспективы) царское правительство, исходя из тактических соображений, не считало нужным поведать армянской общественности.

³⁴ Մատենադարան, արխիվ Աշոտ Հովհաննիսյանի, 1, 3.

³⁵ АВПР, д. 462, л. 16.

³⁶ См. цитату примечания 34.

³⁷ Сын Степана Давид, близкий человек архиепископа Григория Захаряна — ученика и преемника Иосифа Аргутинского, — не мог не выражать точку зрения последнего.

последнюю из игры, облегчив тем самым освобождение армянского народа. Вот почему свои чаяния они связывали с победой русского оружия.

Следовательно, нетрудно предположить, что подготовка почвы для освобождения родины велась армянскими деятелями в тот период в основном в двух направлениях.

Во-первых, они стремились оказать России в войне с Турцией посильную помощь и, во-вторых, руководство российских армян, исходя из национальных интересов, приняло активное участие в переселении армянских жителей турецких областей на юг русского государства.

Последнее станет нам более понятным, если учесть, что при условии, когда национальные планы армянских деятелей увязли в тине внешне- и внутривластных событий 80-х годов Закавказья, разумнее всего было для начала сгруппировать своих соотечественников на южных границах России.

Трудно выяснить, поведали ли эти деятели о своем сокровенном замысле русскому правительству или нет. Однако они с готовностью предложили правительству Екатерины II свои услуги по организации переселения армян из турецких областей в Россию, вследствие чего были запланированы совместные действия руководства российских армян с русским верховным командованием в период русско-турецкой кампании.

Реализации планов армянской общественности способствовала та своеобразная политическая обстановка, которая сложилась к этому времени на Востоке.

Прекрасно понимая, что в лице армян Россия имеет надежного союзника против Турции, а также сознавая заинтересованность самих армян в выводе своих соотечественников из турецких областей, правительство Екатерины II направляет деятельность российских армян на реализацию политических и экономических задач, вставших перед Россией во второй половине XVIII столетия.

К этому времени создается на редкость любопытная и выгодная для обеих сторон ситуация. Как русское правительство, так и деятели армянского освободительного движения (хотя и по разным мотивам) были заинтересованы в осуществлении одного и того же политического преднамерения, т. е. в выводе армянского населения из турецких областей в Россию. Причем это переселение, как уже отмечалось выше, должно было носить временный характер, в ожидании воссоединения армян со своей родиной.

Объяснение вышесказанного следует искать прежде всего в том, что деятельность по консолидации армян на южных границах России являлась, с одной стороны, частью общей программы освобождения армянского народа, с другой — способствовала реализации правительством Екатерины II колонизационных планов в Новороссийском крае.

Стало быть, теперь проясняется, почему, во-первых, несмотря на переориентировку действий Степана в 1787 году (вначале он должен был войти с русскими полками в Армению с целью ее освобождения, а после — ввиду изменившейся ситуации — направляется в русскую армию, действующую против турок), его миссия в целом квалифицируется самими армянами как деятельность, направленная на освобождение армянского народа, а во-вторых, выясняется, какие внутренние пружины способствовали рождению в последней трети XVIII столетия единой и обширной программы по заселению юга России армянским населением и, наконец, по какой причине Кючук-Кайнарджийский мир не мог повлечь за собой в многоязычном потоке переселенцев и армян.

Подытоживая вышесказанное, в связи с проблемой переселения армян в Россию, следует подчеркнуть также, что до 70-х гг. XVIII столетия русское правительство, привлекая армян, преследовало главным образом экономические выгоды. Поэтому весь период с начала века до 1779 года условно можно считать первым этапом армянской колонизации. Второй и главный этап начался с момента массового переселения крымских армян на берега Дона, т. е. с 1779 года.

Вторая война правительства Екатерины II с Османской Портой привела к возникновению на южных просторах России второй армянской колонии-города, основание которого явилось значительной вехой как в колонизационной политике России, так и в планах деятелей армянского освободительного движения.